

ВОЗРАСТНАЯ ДИНАМИКА БИЛИНГВИЗМА ТЕРСКИХ КУМЫКОВ КАК ИНДИКАТОР ВИТАЛЬНОСТИ ЯЗЫКА: ЯЗЫКОВОЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ. ЧАСТЬ 2

**П.О. Россяйкин, А.И. Груздева, Ю.Р. Камбулатова,
Р.Р. Насырова, Г.Ю. Устьянцев, О.В. Федорова**

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
Институт языкознания РАН, Москва, Россия*

Аннотация: В статье представлена вторая часть исследования языковой и социокультурной ситуации терских кумыков, проживающих на территории Моздокского района Республики Северная Осетия — Алания; данные были собраны в ходе полевого исследования, проводившегося в августе 2023 года в с. Предгорное. Функционирование кумыкского языка проанализировано на материале кумыкско-русского билингвизма, который рассматривается как индикатор языковой витальности. Подробно охарактеризованы билингвальные и социокультурные особенности семи возрастных групп респондентов, анкетированных в ходе работы. Приводятся этнологические данные, демонстрирующие роль кумыкского языка в формировании этнического самосознания и межэтнического взаимодействия. Материал исследования подкрепляет вывод о том, что терские кумыки сохраняют межпоколенческую передачу языка, а функциональный статус языка остается относительно высоким.

Ключевые слова: языковая ситуация; билингвизм; кумыкско-русский билингвизм; социолингвистическое анкетирование; этнологическое анкетирование; межпоколенческая передача языка; языковая витальность

Финансирование: Работа выполнена при поддержке Программы развития МГУ, проект № 23-Ш02-21 «От Поволжья до Кавказа: языковое и культурное многообразие Центра и Юга России».

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-02-3

Для цитирования: Россяйкин П.О., Груздева А.И., Камбулатова Ю.Р., Насырова Р.Р., Устьянцев Г.Ю., Федорова О.В. Возрастная динамика билингвизма терских кумыков как индикатор витальности языка: языковой и социокультурный аспекты. Часть 2 // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 2. С. 60–74.

AGE DYNAMICS IN KUMYK-RUSSIAN BILINGUALISM AND ITS IMPLICATIONS FOR LANGUAGE VITALITY: LINGUISTIC AND SOCIOCULTURAL DIMENSIONS. PART 2

**P.O. Rosseyaykin, A.I. Gruzdeva, Yu.R. Kambulatova,
R.R. Nasyrova, G.Y. Ustyantsev, O.V. Fedorova**

Lomonosov Moscow State University; Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract: This article explores the linguistic and sociocultural situation of the Terek Kumyk linguistic community. Data for the study was collected in the fieldwork expedition in August 2023 in the village of Predgornoye (Mozdok district, North Ossetia — Alania). Vitality of Terek Kumyk is assessed through the age dynamics of Kumyk-Russian bilingualism. For seven age groups, their bilingual and sociocultural profiles have been identified. Linguistic generalizations were supplemented by the ethnological evidence demonstrating the role of Kumyk in establishing ethnic identity of the community. The study has demonstrated a relatively high status of Kumyk, with intergenerational transmission being full retained.

Keywords: language vitality; bilingualism; Kumyk-Russian bilingualism; sociolinguistic questionnaires; ethnological questionnaires; intergenerational language transmission

Funding: The research was supported by the Moscow State University Development Program, project No. 23-III02-21 “From the Volga Region to the Caucasus: Linguistic and Cultural Diversity of the Centre and South of Russia.”

For citation: Rosseyaykin P.O., Gruzdeva A.I., Kambulatova Yu.R., Nasyrova R.R., Ustyantsev G.Y., Fedorova O.V. (2024) Age Dynamics in Kumyk-Russian Bilingualism and Its Implications for Language Vitality: Linguistic and Sociocultural Dimensions. Part 2. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 2, pp. 60–74.

Введение

В этой статье излагается вторая часть результатов междисциплинарного полевого исследования языковой и социокультурной ситуации терских кумыков, проводившегося в августе 2023 года. Исследование нацелено на сбор и интерпретацию количественных данных, отражающих, во-первых, функционирование родного языка в кумыкском языковом сообществе Моздокского района Республики Северная Осетия — Алания и его соотношение с другими языками, во-вторых, представления членов сообщества о своей культурной идентичности и, в-третьих, взаимодействие этих двух факторов.

В первой части исследования [Россейкин и др. 2024] терские кумыки охарактеризованы как языковое и этнокультурное сообще-

ство; здесь же описана методология исследования и представлены эмпирические данные, собранные в ходе полевой работы. Ниже предлагается подробное описание и анализ этих данных. Мы охарактеризуем динамику детского и взрослого билингвизма, проведем статистический анализ материала и сформулируем возможные гипотезы, объясняющие наблюдаемые паттерны. Кроме того, мы проанализируем соотношение языковой и социокультурной ситуации в сообществе терских кумыков и представим обобщения о возможных сценариях развития языковой ситуации.

Дальнейшее изложение организовано следующим образом. В разделе 4 излагаются основные эмпирические обобщения о возрастной динамике билингвизма. В разделе 5 они дополняются наблюдениями, касающимися социокультурной ситуации в языковом сообществе. Раздел 6 подводит итоги исследования.

4. Билингвизм терских кумыков

4.1. Количественные данные

В ходе анкетирования, проводившегося в с. Предгорное Моздокского района Республики Северная Осетия — Алания по опроснику, описанному в [Россяйкин и др. 2024], были получены данные 108 человек, в том числе 62 взрослых и 46 детей. Среди детей мы выделяем три возрастные группы: 2–7, 8–12 и 13–15 лет, среди взрослых — четыре: 16–30, 31–40, 41–55 и 55+ лет. Их количественное распределение см. в [Россяйкин и др. 2024].

На основе полученных данных с помощью библиотеки *seaborn* [Waskom 2021] для языка программирования Python были построены скрипичные диаграммы (англ. *violin plots*), отражающие распределение индекса сбалансированного билингвизма, а также их плотности вероятности, по семи возрастным группам (см. рис. 2 ниже¹). Понятие индекса доминантности, представленного на диа-

¹ На диаграммах толстая черная полоса в центре показывает межквартильный размах (англ. *Interquartile Range*, далее — IQR): верхняя граница соответствует третьему квартилю, ниже которого находится 75 % данных, нижняя — первому квартилю, ниже которого находится 25 % данных. Исходящая из черной полосы тонкая черная линия показывает доверительные интервалы с 95-процентной вероятностью; значения индекса, не вошедшие в доверительный интервал, считаются статистическими выбросами. Белые точки внутри каждой скрипки указывают на медианные значения. Черные точки показывают конкретные значения индекса, встретившиеся в выборке, причем в районе толстой черной полосы они не видны, а за пределами тонкой черной линии соответствуют статистическим выбросам. Ширина графика плотности отражает частоту встречаемости соответствующего значения индекса в выборке. В эстетических целях скрипичные диаграммы принято не обрезать по значению последнего выброса, а завершать плавно, сохраняя «скрипичную» форму. По этой причине на графике, например, для группы ре-

граммах, подробно описано в [Россяйкин и др. 2024]. Значения индекса выше нуля соответствуют кумыкско-русскому билингвизму, ниже нуля — русско-кумыкскому.

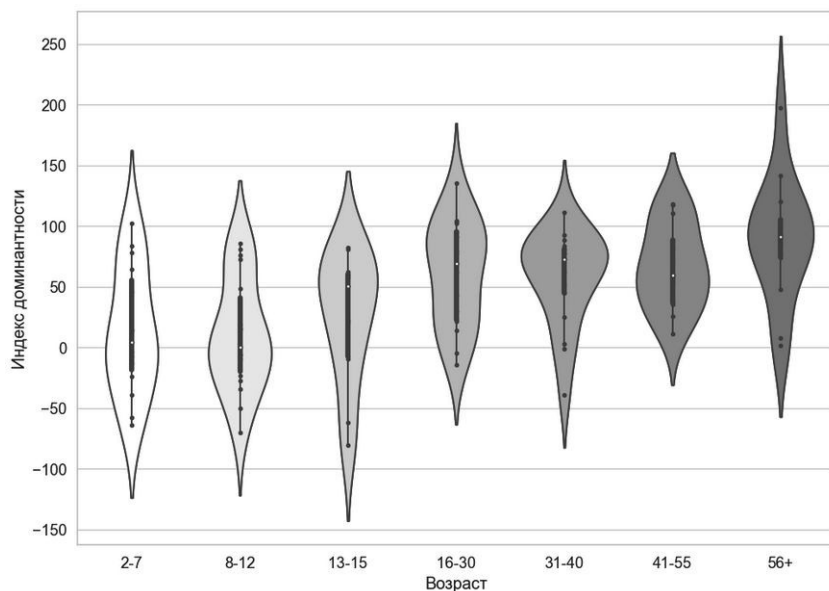

Рис. 2. Распределение индекса языковой доминантности по возрастным группам

4.2. Детский билингвизм

На Рис. 2 показаны данные о билингвизме в семи возрастных группах. Рассмотрим первые три диаграммы, представляющие детский билингвизм.

Как видно из диаграмм, первые две группы более схожи, в то время как медиана последней по шкале доминантности языка существенно ближе к медианам взрослых опрошенных. Это дает основания считать категорию подростков 13–15 лет промежуточной между детским и взрослым билингвизмом.

Медианы индексов языковой доминантности детей до 12 лет очень близки к нулевой отметке — это свидетельствует о максимальной сбалансированности кумыкско-русского билингвизма у современных носителей этого возраста по сравнению с подростками и взрослыми.

спондентов старше 56 лет реальное максимальное значение индекса равно 200, но край диаграммы достигает значения 250.

Интересно, что у детей наблюдается больший разброс значений в кумыкской части шкалы доминантности, чем в русской. Это означает, что уровень владения доминантным языком у кумыкско-русских детей-билингвов различается сильнее, чем у русско-кумыкских. У подростков картина противоположная: разброс индексов ниже медианного значения значительно больше, чем разброс индексов выше медианы.

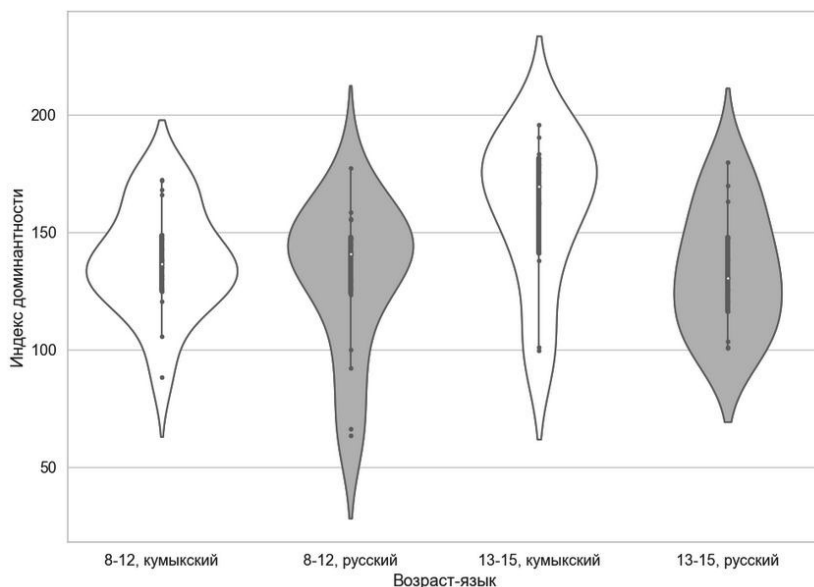

Рис. 3. Интегральные языковые индексы в двух возрастных группах

Рис. 3 показывает индексы по русскому и кумыкскому языкам по отдельности для двух возрастных групп: старшей детской (8–12 лет) и подростковой (13–15 лет). Диаграммы наглядно демонстрируют сдвиг баланса языков у подростков 13–15 лет по сравнению с детьми 8–12 лет: медианы индексов по русскому и кумыкскому у последних находятся почти на одном уровне с незначительным перевесом в сторону русского, в то время как эти же медианы в подростковой группе располагаются на разном уровне, причем индекс владения кумыкским выше индекса владения русским языком более чем на 40 пунктов. Примечательно, что в детской группе 8–12 лет наблюдается заметная разница в разбросе значений индексов по кумыкскому и русскому языкам: дети различаются во владении русским сильнее, чем во владении кумыкским.

4.3. Взрослый билингвизм

Для опрошенных в возрасте от 16 лет характерна доминантность кумыкского языка: медианные значения на шкале доминантности у взрослых находятся в диапазоне от 59 до 92 в зависимости от возрастной группы. Следует отметить две основные тенденции в этой группе опрошенных: (i) большему возрасту соответствует большее смещение в сторону кумыкского языка, о чем свидетельствует повышение медианы; (ii) большему возрасту соответствует большая однородность билингвизма, о чем свидетельствует сужение межквартильного размаха.

Вместе с тем, в самой старшей возрастной группе выделяются выбросы в обе стороны: 3 из 4-х опрошенных с наибольшей доминантностью кумыкского языка (индекс доминантности больше 120) относятся к этой группе; с другой стороны, в группе 56+ существуют и сбалансированные билингвы с индексом, близким к нулю.

Практически все взрослые опрошенные отметили хорошее владение как кумыкским, так и русским языком. Доминантность кумыкского языка возникает за счет ответов в остальных разделах: «Языковая история», «Использование языков» и «Отношение к языкам». В частности, во всех взрослых возрастах кумыкский язык одинаково доминирует над русским в разделе «Отношение к языкам»: почти все опрошенные поставили максимальные оценки для кумыкского языка по всем вопросам этого раздела. Кроме того, большинство опрошенных ответили, что 100 % времени думают на кумыкском языке, минимум 90 % времени разговаривают на кумыкском в семье и как минимум 80 % времени — с друзьями. С другой стороны, русский язык многие опрошенные используют на работе. Для молодых групп (16–30, 31–40) характерно использование обоих языков или даже преимущественно русского при счете. В целом смещение билингвизма в сторону кумыкского языка при повышении возраста, отмеченное в начале этого раздела как (i), связано в первую очередь с большим **использованием** кумыкского языка и меньшим использованием русского языка среди старших возрастов.

4.4. Соотношение детского и взрослого билингвизма

Результаты проведенного опроса показывают, что представители всех возрастных групп — сбалансированные кумыкско-русские билингвы. Во-первых, медианы индексов доминантности ни в одной возрастной группе не поднимаются выше 100 (и не опускаются ниже -100), что говорит о том, что ни один из языков не доминирует слишком сильно, оба используются носителями в достаточно полной мере. Во-вторых, распределение медиан на отрезке от 0 до 100 свидетельствует о том, что билингвизм, который мы наблюдаем у тер-

ских кумыков, — именно кумыкско-русский, то есть в среднем кумыкский язык доминирует над русским у опрошенных носителей любого возраста.

Опираясь на данные, представленные на скрипичных диаграммах (Рис. 2), и в частности на медианные значения по возрастным группам, опрошенных можно разделить на две большие группы: (1) детей от 2 до 12 лет с максимально сбалансированным билингвизмом и (2) взрослых от 16 лет с некоторой доминантностью кумыкского языка. Подростков 13–15 лет можно выделить в качестве переходной группы.

Это подтверждается и следующим статистическим исследованием: мы использовали U-критерий Манна — Уитни для попарного сравнения всех возрастных групп, чтобы определить, являются ли отличия между ними статистически значимыми при уровне значимости, равном 0.05, — такие результаты выделены жирным шрифтом в таблице 1.

Подсчитанные значения p-value показали, что группа «13–15» значимо не отличается от соседних групп («8–12» и «16–30»), в то время как есть значимые различия между всеми детскими группами, кроме третьей, и всеми взрослыми, что позволяет говорить о переходном состоянии третьей группы.

Таблица 1

Результаты попарного сравнения возрастных групп с помощью критерия Манна — Уитни, выявленные статистически значимые отличия выделены жирным

p	2–7	8–12	13–15	16–30	31–40	41–55	56+
2–7	NaN	1.000	0.490	0.013	0.020	0.009	0.001
8–12		NaN	0.327	0.003	0.004	0.002	0.0002
13–15			NaN	0.072	0.057	0.081	0.003
16–30				NaN	0.882	0.738	0.147
31–40					NaN	0.734	0.029
41–55						NaN	0.198
56+							NaN

Текущая картина совместима с двумя вариантами развития языковой ситуации в прошлом. С одной стороны, в предыдущем поколении могла иметь место такая же картина: дети — сбалансированные билингвы, взрослые — кумыкско-русские билингвы (то есть с доминантным кумыкским). В таком случае мы должны предполагать, что в ходе жизни нынешние взрослые претерпели процесс сдвига билингвальности в сторону кумыкского языка. Тот факт, что

дети используют русский язык более активно, чем старшие поколения носителей, можно связать с его функционированием в качестве преобладающего языка в образовательных учреждениях, в первую очередь в школах². С возрастом местные жители сокращают использование русского в публичной сфере, коммуницируя в семье и трудовой деятельности в основном на кумыкском.

С другой стороны, текущая ситуация может быть и результатом изменения социолингвистического статуса кумыкского и сокращения сферы его использования, при том что в прошлом поколении у билингвов всех возрастов с детства преобладал кумыкский язык и это с течением жизни не менялось.

Аналогичным образом можно представить несколько вариантов будущего развития языковой ситуации. С одной стороны, билингвизм нынешних детей с течением времени может сместиться в сторону доминантности кумыкского, что снова приведет к распределению, схожему с текущим. С другой стороны, билингвизм младшего поколения может остаться на том же уровне. В таком случае билингвизм их будущих детей, скорее всего, либо будет приблизительно таким же сбалансированным, либо сдвинется в русскую сторону, и билингвизм терских кумыков в целом сместится к середине, а дальше и в сторону доминантности русского языка.

5. Билингвизм и этнологическая ситуация

Для исследования соотношения идентичности и языковых практик важно выявить различные формы проявления этнического самосознания. Эта информация позволяет описать роль кумыкского языка как маркера этничности. Предгорное — моноэтническое поселение, и ожидаемо почти все опрошенные воспринимают и позиционируют себя как этнических кумыков. Анкетированным был задан вопрос «К какой этнической группе Вы себя относите?». Среди опрошенных взрослых жителей села 13 % отнесли себя к терским кумыкам, 18 % — к «тюркам», 47 % опрошенных — к кумыкам, 23 % не ответили на вопрос. На вопрос «Укажите Вашу национальность» 97 % анкетированных отнесли себя к кумыкам, один опрошенный указал на смешанную кумыкско-чеченскую идентичность, двое не ответили на этот вопрос. Эти данные иллюстрируют отношение респондентов к концепциям этничности и национальности. Опрошенные в большей степени воспринимают национальность не в гражданско-политических, а в этнических категориях — как синоним слова «народ» или «этническая группа» [Тишков 2023: 12–13].

² Следует отметить, что в качестве родного языка терские кумыки Моздокского района изучают литературный кумыкский язык. Осетинский язык в средней школе не преподается.

Под этнической группой опрошенные понимают не только национацию, но и, во-первых, этнографическую группу — «терские кумыки»; во-вторых, этноязыковую категорию — тюрки (носители тюркских языков). Это подтверждает существенную роль языка в генезисе этнической идентичности. Анкетированным также был задан вопрос о том, что значит для респондента быть кумыком. «Считать себя кумыком» — 31 % ответов, «хорошо знать кумыкский язык» — 37 % ответов, «хорошо знать кумыкскую культуру и историю» — 32 %, «быть уроженцем кумыкского населенного пункта» — 21 %. Самые популярные ответы: «происходить из кумыкской семьи» (48 %) и «исповедовать ислам» (52 %). Для опрошенных связи с семьей и религией ассоциируются с принадлежностью к кумыкам. Язык в ряду ответов третий по популярности. Примечательно, что вариант «считать себя кумыком» (по сути речь идет о самосознании, о восприятии себя) не является самым популярным: анкетированные предпочли указать более объективные факторы идентичности. В контексте взаимосвязи языка и идентичности примечательно, что абсолютное большинство — 99 % — максимально оценили для себя важность использования кумыкского языка как родного (по шестибалльной шкале средняя оценка — 5,9).

Анкетированных попросили оценить по шестибалльной шкале свою принадлежность к кумыкской и русской культурам. Средний показатель по кумыкской культуре — 5,9, по русской — 1,2. Языковое поведение находится в зависимости от социального контекста, отношений между акторами языкового поведения [Hudson 1996: 5–11]. Отношение к языку, по Р. Фасолду, репрезентирует интегрирующую функцию, которую выполняет язык в социокультурном измерении [Fasold 1984: 158]. Приведенные выше данные доказывают, что этническая принадлежность исследуемой группы в ситуации мультилингвизма определяется именно родным (материнским) языком [Trudgill 2000: 45]. Если сравнивать кумыков Предгорного с другим кумыкским населением Северного Кавказа, то определяющим этнолокальную идентичность фактором будет уже вариант (диалект) кумыкского языка [Trudgill 2000: 45–47].

Языковая ситуация в селе связана с фактором межэтнического взаимодействия, см. данные на диаграммах на Рис. 4. Молодые респонденты в возрасте до 30 лет в публичной сфере в основном коммуницируют с кумыками (60 %), русскими (24 %), осетинами (9 %), чеченцами (5 %). Опрошенные 31–40 лет чаще взаимодействуют с кумыками (43 %) и русскими (29 %), осетинами (19 %), реже — с чеченцами (5 %). Большинство кумыкского окружения в публичной сфере характерно и для информантов 41–55 лет (45 %), но в то же время для этой возрастной группы отмечен более высокий процент

в окружении чеченцев (7 %), меньший процент осетин (7 %) и больший — русских (31 %). Для самого старшего поколения опрошенных (старше 56 лет) окружение на 63 % состоит из кумыков, на 22 % из русских, на 6 % из ногайцев, остальных народов — менее 10 %. Ситуация с этническим составом семьи и кругом ближайших друзей более однородна: около 80 % близкого окружения опрошенных составляют кумыки, от 10 до 13 % — русские. Исключением является возрастная группа 41–55 лет, для которых чеченское окружение составляет 13 %, русское — 5 %.

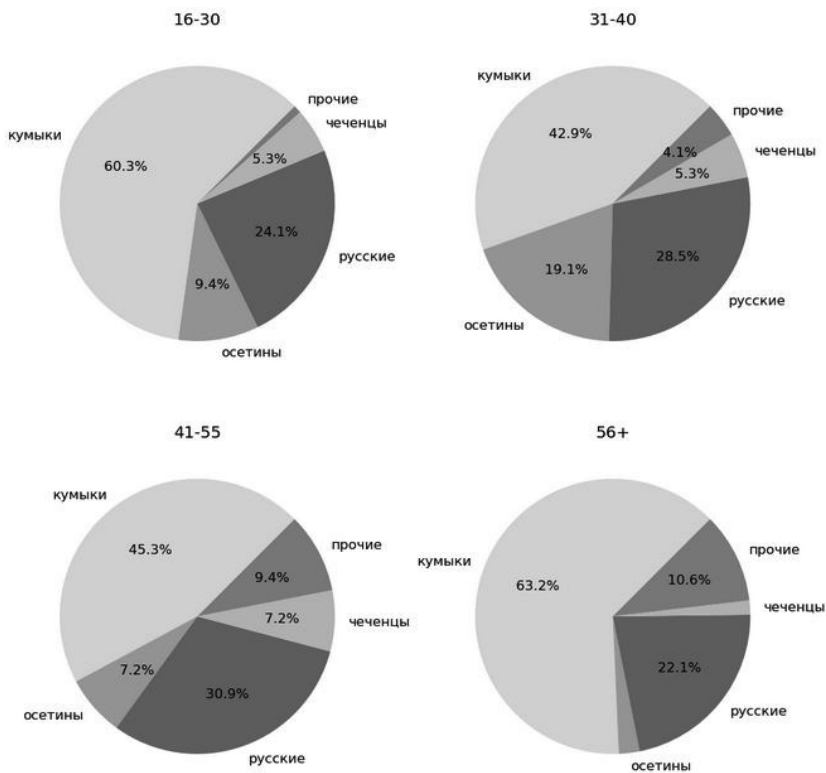

Рис. 4. Межэтнические взаимодействия терских кумыков в публичной сфере

Влияние образовательных институтов и, вероятно, социальных сетей усиливает межэтнические контакты молодых кумыков с русскоязычными, что увеличивает удельный вес в их языковых практиках русского языка. Старшее население интегрировано в локальную рабочую среду, большую роль в их общении играют кумыки, что может определять и значительные показатели кумыкского языка в картине местного билингвизма взрослых. Полученные дан-

ные важны в контексте переключения кодов (code-switching): в разных социальных ситуациях более удобным и статусным оказывается или русский, или кумыкский язык [Wardhaugh, Fuller 2006: 85–86]. Можно предположить, что молодое поколение кумыков чаще использует русский язык вследствие языкового планирования и работы системы образования. По Р. Куперу, языковое планирование (language planning) социально обусловлено, оно связано с действием институтов и положением различных социальных групп [Cooper 1989: 183–185].

В отношении кумыкско-русского билингвизма важным фактором может являться статусность русского как официального государственного языка, который конкурирует с кумыкским в сфере публичной жизни молодежи. Русский язык в Республике Северная Осетия — Алания выполняет функцию межэтнического общения [Бесолова и др. 2021: 1250–1255]. При разности в показателях языкового поведения опрошенные всех возрастов солидарны в определении своей идентичности (большинство определяет себя кумыками по национальности) и в отношении к кумыкскому языку. Эти данные иллюстрируют явление культурной интерференции, используемое исследователем билингвизма и бикультурализма С.А. Арутюновым в описании советских обществ. В ходе этого этнического процесса при сохранении некоторых элементов (идентичность, диалект, искусство) общности А она заимствует особенности культуры общности В [Арутюнов 1978: 5–14]. В данном случае при проникновении русского языка в некоторые сферы общественной жизни (образование, делопроизводство и т. д.), кумыкский сохраняется как основной язык общения при доминантности кумыкской идентичности. Результаты опроса демонстрируют картину единой (кумыкской) культуры при кумыкско-русском двуязычии, что соответствует одной из схем этноязыковых ситуаций, предложенных Э. Хаугеном [Хауген 1972: 64].

6. Заключение

Завершить статью мы хотели бы несколькими соображениями о социолингвистических особенностях языкового сообщества терских кумыков и соотношении лингвистических и социокультурных факторов в развитии языковой ситуации.

Существующие оценки витальности кумыкского языка в целом не рассматривают его как находящийся под непосредственной угрозой исчезновения. По классификации Института языкознания РАН (http://jazykirf.iling-ran.ru/list_2022.shtml), кумыкский язык относится к категории 2Б, которая характеризуется наличием межпоколенческой передачи на значительной территории ареала сообщества,

существенной пропорцией носителей языка на территории региона (преимущественно среди сельского населения), относительно развитой языковой инфраструктурой, но при этом определенной функциональной ограниченностью. На шкале EGIDS (Expanded Graded Intergenerational Disruption Scale [Lewis, Simons 2010]), широко принятой в западных социолингвистических исследованиях, кумыкский язык следует отнести к категории «развивающихся» (developing) и характеризовать как стабильный. Некоторые исследователи, опираясь преимущественно на значительное количество носителей кумыкского, описывают его статус как безопасный [Халидов 2019: 495–496].

Анализ полученных нами данных о языковом сообществе терских кумыков в целом согласуется с этими наблюдениями. С одной стороны, эти данные показывают, что язык играет определяющую роль в конструировании этнической и этнолокальной идентичности, что само по себе следует рассматривать как важный показатель достаточно высокого социолингвистического статуса языка. В то же время институциональная поддержка диалекта терских кумыков, в отличие от литературного кумыкского языка, практически не осуществляется, а языковая инфраструктура остается относительно неразвитой.

Если, далее, опираться на данные о билингвизме и его возрастной динамике как на индикатор языковой витальности, ситуацию в языковом сообществе терских кумыков можно охарактеризовать как относительно благополучную. Терские кумыки (по меньшей мере сельское население) сохраняют межпоколенческую передачу языка в полном объеме, а функциональный статус языка остается относительно высоким.

Вместе с тем обращает на себя внимание последовательное изменение индекса доминантности в зависимости от возраста носителей. У самых возрастных и самых молодых носителей различие медианных значений почти достигает 100 единиц. Это различие, фиксируемое на интервале в 50 лет, допускает более одного объяснения. Как отмечается в разделе 4, наилучший сценарий, на который могут указывать эти данные, состоит в том, что межвозрастные различия остаются стабильными во времени, наихудший — в том, что языковое сообщество эволюционирует в направлении языкового сдвига, при котором межпоколенческая передача языка нарушается. Если верно последнее, можно констатировать, что наблюдающийся дрейф на данный момент не выглядит угрожающим или необратимым, однако ситуация нуждается в постоянном мониторинге со стороны всех, кто заинтересован в сохранении и развитии

терского диалекта, а сам диалект — в усилении институциональной поддержки на всех уровнях.

Благодарности

Авторы статьи выражают бесконечную благодарность Х.У. Ибрагимову, главе администрации местного самоуправления с. Предгорное в 2022 году, А.Б. Кубаеву, главе администрации местного самоуправления в 2023 году, С.А. Яхъяевой, директору средней школы имени военного летчика капитана Р.А. Хордаева, учителям этой школы, всем жителям с. Предгорное, помогавшим нам в работе над материалом терского диалекта и сборе социолингвистической информации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнов С.А. Билингвизм и бикультурализм // Советская этнография. 1978. № 2. С. 3–14.
2. Бесолова Е.Б., Закаева Б.К., Джигоева В.П., Денисенко А.В., Калинина Ю.М. Языковая ситуация и статус языков в Республике Северная Осетия — Алания // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 4. С. 1247–1259.
3. Кумыкский язык // Малые языки России. [Электронный ресурс]. URL: <https://minlang.iling-ran.ru/lang/kumykskiy-yazyk> (дата обращения: 14.10.2023).
4. Россыйкин П.О., Груздева А.И., Камбулатова Ю.Р., Насырова Р.Р., Татевосов С.Г., Устьянцев Г.Ю., Федорова О.В. Возрастная динамика билингвизма терских кумыков как индикатор витальности языка: языковой и социокультурный аспекты. Часть 1 // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2024. № 1. С. 37–53.
5. Тишков В.А. Нация наций: о подходах к пониманию России. М., 2023.
6. Халидов А.И. Языки и народы Кавказа: вопросы истории и типологии, социо-, этно- и эколингвистики. Махачкала, 2019.
7. Хауген Э. Языковой контакт // Новое в лингвистике. Вып. 6. Языковые контакты. 1972. С. 61–80.
8. Cooper R.L. Language Planning and Social Change. Cambridge, 1989.
9. Fasold R. Sociolinguistic of society. Oxford, England; New York, NY, USA, 1984.
10. Hudson R. Sociolinguistics. Cambridge, 1996.
11. Lewis M.P., Simons G.F. Assessing endangerment: Expanding Fishman's GIDS // Revue roumaine de linguistique. 2010. № 55(2). P. 103–120.
12. Trudgill P. Topics. Sociolinguistics: An introduction to language and society. London; New York, 2000.
13. Wardhaugh R., Fuller J. An introduction to sociolinguistics. New York, 2006.
14. Waskom M.L. seaborn: statistical data visualization // Journal of Open Source Software. 2021. № 6(60). P. 3021. <https://doi.org/10.21105/joss.03021>

REFERENCES

1. Arutyunov S.A. Bilingvizm i bikul'turalizm [Bilingualism and biculturalism]. *Sovetskaya etnografiya [Soviet ethnography]*. 1978, 2, pp. 3–14. (In Russ.)

2. Besolova E.B., Zakaeva B.K., Dzhioeva V.P., Denisenko A.V., Kalinina Yu.M. Yazykovaya situatsiya i status yazykov v Respublike Severnaya Osetiya-Alaniya [Linguistic situation and status of languages in the Republic of North Ossetia–Alania]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics]*. 2021. 12, 4. P. 1247–1259. (In Russ.)
3. Cooper R.L. *Language Planning and Social Change*. Cambridge: *Cambridge University Press*, 1989.
4. Fasold R. *Sociolinguistic of society*. Oxford, England; New York, NY, USA: *B. Blackwell*, 1984.
5. Hudson R. *Sociolinguistics*. *Cambridge University Press*, 1996.
6. Khalidov A.I. Yazyki i narody Kavkaza: voprosy istorii i tipologii, sotsio-, etno- i ehkologivistiki [Languages and peoples of Caucasus: issues in history and typology, socio-, ethno- and ecolinguistics]. Makhachkala, *ALEF LLC Publ.*, 2019. 628 p. (In Russ.)
7. Khaugen E.H. Yazykovoi kontakt [Language contact]. *Novoe v lingvistike [The new in linguistics]*. V. 6. Yazykovye kontakty [Language contacts], 1972. P. 61–80. (In Russ.)
8. Kумыкский язык [Kumyk]. *Malye yazyki Rossii [Minority languages of Russia]*. URL: <https://minlang.iling-ran.ru/lang/kumykskiy-yazyk> (accessed: 14.10.2023).
9. Lewis M.P., Simons G.F. Assessing endangerment: Expanding Fishman’s GIDS. *Revue roumaine de linguistique*. 2010, 55, 2. P. 103–120.
10. Rossyaykin P.O., Gruzdeva A.I., Kambulatova Yu.R., Nasyrova R.R., Tatevosov S.G., Ustyantsev G.Yu., Fedorova O.V. Vozrastnaya dinamika bilingvizma terskih kumykov kak indikator vital’nosti yazyka: yazykovej i sociokul’turnyj aspekt [Age dynamics in Kumyk-Russian bilingualism and its implications for language vitality: linguistic and sociocultural dimensions. Part 1.] *Vestnik Moskovskogo universiteta. S. 9: Filologiya*. 2024. № 1. P. 37–53. (In Russ.)
11. Tishkov V.A. Natsiya natsii: o podkhodakh k ponimaniyu Rossii [Nation of nations: on approaches to understanding Russia]. Moscow, *IEA RAS Publ.*, 2023. 69 p. (In Russ.)
12. Trudgill P. *Sociolinguistics: An introduction to language and society*. London; New York: *Penguin*, 2000.
13. Wardhaugh R., Fuller J. *An introduction to sociolinguistics*. *Blackwell Pub*, 2006.
14. Waskom M.L. seaborn: statistical data visualization. *Journal of Open Source Software*, 2021, 6, 60, p. 3021. doi: 10.21105/joss.03021.

Поступила в редакцию 12.08.2023

Принята к публикации 13.02.2024

Отредактирована 09.03.2024

Received 12.08.2023

Accepted 13.02.2024

Revised 09.03.2024

ОБ АВТОРАХ

Россяйкин Петр Олегович — инженер кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; petrossyaykin@gmail.com

Груздева Анастасия Ильинична — младший научный сотрудник Лаборатории исследования и сохранения малых языков Института языкознания РАН, аспи-

рант и инженер кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; gruzdevaai@my.msu.ru

Камбулатова Юлия Руслановна — специалист по УМП II категории кафедры этнологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; ykambulatova@mail.ru

Насырова Регина Руслановна — младший научный сотрудник Института искусственного интеллекта МГУ имени М.В. Ломоносова, студент магистратуры отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; regina.nasyrova55@gmail.com

Устьянцев Герман Юрьевич — ассистент кафедры этнологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; ustyanc-93@mail.ru

Федорова Ольга Викторовна — профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; olga.fedorova@msu.ru

ABOUT THE AUTHORS

Petr Rosyaykin — Engineer, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; petrossyaykin@gmail.com

Olga Fedorova — Professor of Linguistics, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; olga.fedorova@msu.ru

Anastasija Gruzdeva — Junior Researcher, Laboratory for Study and Preservation of Minority Languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; PhD Student and Engineer, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; gruzdevaai@my.msu.ru

Yuliia Kambulatova — Specialist in educational and methodological work, Department of Ethnology, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University; ykambulatova@mail.ru

Regina Nasyrova — Junior Researcher, Institute for Artificial Intelligence, Lomonosov Moscow State University; Master's student, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; regina.nasyrova55@gmail.com

Herman Ustyantsev — Assistant, Department of Ethnology, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University; ustyanc-93@mail.ru